

НАЁМНИК

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

ID: 35A-7X9
UNIT: SIBURA

LAT. 56.130366
LONG. 61.402451

BURA CORP.
MILITARY CONTRACTOR
// CONFIDENTIAL

7 X 9

> WEAPON:
SIBURA BLADE
MK.II

КЛИНОК СИБУРА

АЛЕКС
ГОР

SBR-7X9

Алекс Гор

Клинок Сибура: Наёмник

<https://litres.ru/74584492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космос бездонен, прекрасен, но холоден. В нем нет места слабым, и возвыситься сможет лишь тот, у кого имеется стержень. Лакину Стаксу чудом удалось выжить, только вот теперь ему предстоит отстаивать свое право на существование среди тех, для кого война сродни крови, бегущей в жилах. Здесь сложно найти друзей, особенно если твоя генетика вызывает лишь отвращение среди членов клана наемников. Здесь право на жизнь зарабатывают в поединке. Только никто еще не знает, что жители Сибура не знают, что такое страх.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Отверженные	17
Глава 2. Клетка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алекс Гор

Клинок Сибура: Наёмник

Пролог

"Чтобы спастись, нужно всего лишь начать действовать."
Кен Кизи

Плохо, если ты маленький и слабый, когда даже нормального комбинезона на складах крейсера тебе найти не могут. Да и, собственно говоря, не хотят, потому что ты, по всеобщему мнению, всего лишь грязный и слабый полукровка - никчёмное существо, которому даже настоящего имени давать не обязательно. Всего лишь кличку, и то, максимально унижительное прозвище услышать можно гораздо реже, чем почувствовать на собственной заднице чей-нибудь бронированный ботинок скафандра.

«Дохла» - именно такое псевдоимя носил тщедушный паренёк, презираемый, кажется, каждым членом экипажа гахарского крейсера «Ворон». По меркам Содружества безнадёжно устаревшего, но всё ещё достаточно зубастого, чтобы считаться флагманом небольшой эскадры наёмников, которые впрочем между собой предпочитали называть его совсем иначе, используя для этого свой родной язык.

Гахарцы - раса отверженных воинов, наверное, так их

можно назвать. Ведь планеты, на которой зародилось это племя, больше не существует. Вместо неё по всей плоскости эклиптики звёздной системы сейчас дрейфуют миллиарды тонн безжизненных горных пород, бывших некогда цветущим оазисом. Немногое осталось со времён той войны, истоки которой уже настолько безнадежно потерялись в прошлом, что и концов искать не имеет смысла.

Те, кто когда-то по нелепой случайности смог выжить, оказавшись слишком далеко от дома, уже давно отправились в своё последнее путешествие среди звёзд, уступив место своим потомкам. Да и они, к сожалению, постепенно вырождались, ведь женщин из их расы осталось так мало, что чистокровных и сильных воинов с исходным геномом можно было пересчитать по пальцам двух рук. Единственным способом размножения оставались союзы с представителями других видов разумных существ. Только вот далеко не всегда они приносили достойные плоды - всё чаще рождались такие, как этот паренёк, выполняющий самую грязную работу на крейсере. Потому что тратиться на тех же дроидов-уборщиков клан никогда бы не стал - зачем, если есть такие, как он, которые за скудную пайку и за возможность прожить еще один день готовы выполнять всё, что им скажут?

Не мудрено, что полукровка с малых лет культивировал в собственном сердце только ненависть и злобу ко всем и каждому, потому что ему не повезло. Хотя это ещё как посмотреть: по крайней мере, он смог доказать свою полез-

ность и приспособиться, потому что в противном случае скорее всего его бы попросту выкинули в открытый космос как ненужный балласт. Ему хватило ума выучить родной язык гахарцев и проявить смекалку, выполняя мелкие поручения и небольшой ремонт бытового оборудования, которое ему после нескольких тестовых заданий всё-таки иногда доверяли. Только вот сейчас он тащил с собой совсем другие инструменты: ведро воды и грязную, выдавшую виды тряпку, которыми должен был наводить порядок в грузовом трюме. Радости от этого не самого приятного занятия он не испытывал абсолютно никакой, но перечить старшим не смел. Поэтому сцепив зубы, юноша, родовых фиолетовых отметок на коже которого практически не имелось, молча двигался в нужном направлении и размышлял о том, что видимо его отец совершил непростительную ошибку, решив получить ребенка от обитательницы Колнии, потому что вместо благородной коричневой кожи у отпрыска проявились гены матери, и он получился с зеленоватым цветом кожных покровов. Парень мог легко ориентироваться в этих коридорах даже с закрытыми глазами - ведь всё его непростое детство прошло в металлических кишках устаревшего гахарского крейсера.

Дотавив свою ношу до очередного шлюза, за которым скрывался его основной фронт работ, Дохла практически не глядя набрал на небольшой архаичной панели заученный код, и металлическое полотно с лёгким скрежетом в слегка корродировавших направляющих, отъехало в сторону, про-

пуская полукровку в грузовой трюм. Парню даже не требовалось оценивать объём работы - он и так знал, что трудиться ему здесь предстоит как минимум шесть часов, и то и больше, если он не будет поторапливаться.

Оказавшись внутри достаточно внушительного помещения, разделённого на несколько зон, парень принялся за мытьё палубы, методично протирая каждый уголок и те небольшие закутки, которые не были заблокированы. Действовал он методично, прекрасно понимая, что от этой задачи ему никуда не деться, а вот если его каким-либо образом уличат в нерадивости, то могут и без еды оставить. И тогда он вообще никогда не вырастет, не станет сильным и не сможет участвовать в испытании, чтобы стать воином и полноценным членом клана и так и останется на дне жизни.

Примерно в центре грузового трюма, очередной раз переместив ведро с уже достаточно грязной водой, паренёк вдруг остановился. Именно в этом месте находилось зарешёченное отделение для пленников, которых иногда забирали с собой по указанию главы клана. Почему их содержали именно здесь, он не знал - вполне возможно, чем-то это было обусловлено, но сейчас хмурого и недовольного всем на свете паренька заинтересовало другое: за прутьями он увидел тело, лежащее лицом вверх. На груди у этого странного серокожего ксеноса располагался автодок - старый и непонятно каким образом вообще функционирующий медицинский агрегат. Однако судя по индикаторным лампам и мирному гу-

дению, устройство работало и производило какие-то хирургические манипуляции с этим существом. Находился пленник недалеко, буквально в полуметре от металлической решётчатой калитки, и разглядеть его внешность в деталях не составляло никакого труда.

Дохля приблизился и с какой-то злой брезгливостью уставился на это существо, решив, что скорее всего старшие клановые братья взяли недавно кого-то в плен или в рабство и бросили сюда, чтобы подлечить, а затем использовать в качестве куска мяса, которое нужно будет убить в поединке тем, кто хочет стать настоящим мужчиной. Подобное иногда случалось, и полукровка неоднократно становился свидетелем таких боёв, втайне мечтая когда-нибудь, повзрослев и окрепнув, также пройти через это испытание и собственноручно зарезать какого-нибудь никчёмного слабака, который позволил взять себя в плен. В глубине души он верил, что когда-нибудь всё-таки сможет стать сильнее и получит вожеленное признание от главы. Однако пока, несмотря на то что геном гахарцев, как правило, позволял производить на свет достаточно близких к исходному виду потомков от женщин других рас, надежды не оправдывались. С Дохлей это почему-то не сработало. Колнианка, произведшая его на свет, - будь трижды проклято её гнилое лоно! - каким-то непостижимым образом смогла передать своему ребёнку гораздо меньше от отца, чем от себя самой, приведя в этот мир такое ничтожество.

Уборщик внимательно осмотрел лицо пленника, на голове которого не росло ни единого волоска, и на ней можно было увидеть лишь несколько странных рисунков. Однако одного у бесчувственного чужака нельзя было отнять - телосложение. Оно у ксеноса оказалось вполне крепким, что сразу же вызвало лютую зависть у паренька, и он смачно плюнул в лицо этому серокожему существу. Попал, хотя он и не сомневался, что будет именно так. Уж чего-чего, а этот сомнительный навык он за пятнадцать циклов своей жизни прокачал весьма неплохо. Слюна потекла по щеке заключенного, но судя по всему он находился в бессознательном состоянии, потому что никак не отреагировал на выходку Дохли. Это ещё сильнее разозлило паренька, и он принялся колдовать над застёжками своего убогого комбинезона, собственноручно перешитого им из чьих-то выслуживших свой срок обносков.

- Мерзкий ублюдок! - распаляя сам себя, прорычал паренёк, доставая половой орган и направляя его в сторону узника.

Тонкая струя мочи вырвалась наружу и ожидаемо попала в цель – с такого расстояния промахнуться было невозможно. Дохля старательно направлял поток, пытаясь сделать так, чтобы зловонная жижа затекала в нос и слегка полуоткрытый рот пленника. И своего он добился. Лежащий без движения ксенос вдруг дёрнулся, его странные веки пришли в движение, руки согнулись и ухватились за боковые пане-

ли автодока. Индикаторы на нём тут же изменили свой цвет, став из синих и зелёных красными. Видимо, закашлявшись, пациент архаичного прибора каким-то образом нанёс себе дополнительный вред, о чём и сигнализировало подключенное к нему устройство. На изумлённом лице чужака на мгновение отразился испуг и непонимание происходящего, однако он быстро прошёл, и голова ксеноса откинулась на палубу. Только вот его немного пугающий взгляд успел зафиксировать оголенные причиндалы стоящего за решёткой Дохла, заставив того поспешно спрятать своё хозяйство за тканью комбинезона.

- Где я? И что происходит? - слабым голосом пробормотал сибурианец. - Что это на мне такое?

- Заткнись, падаль! Я не разрешал тебе открывать свой поганый рот, пока тебя не спросят или не прикажут. И вообще, ты должен стоять на коленях, когда разговариваешь с гахарцем! - взвизгнул полукровка.

Пленник замолчал, внимательно осматривая тщедушного паренька.

- Первый раз слышу про каких-то там гахарцев. И если вы все такие, как ты, то жить вам осталось недолго.

Услышав подобный ответ, Дохла чуть было не задохнулся от нахлынувшей на него бессильной злобы, потому что он прекрасно понимал: кроме того, как сквернословить, в данной ситуации он не только ничего не может, но и не имеет на это права. Однако в глубине души он мечтал стать пол-

ноценным воином и не мог позволить, чтобы какой-то серокожий ублюдок без рода и племени так с ним разговаривал. Поэтому он мстительно пообещал:

- Я сделаю всё, чтобы ты сдох как можно быстрее, чужак. И если мне позволят лично прикончить тебя, я сделаю это с удовольствием.

- Попробуй, - мрачно ответил лежащий на палубе ксенос и замолчал, однако его постоянно находящиеся в движении веки внимательно следили за существом, стоящим с другой стороны решетки.

Дохля ещё несколько раз пытался спровоцировать пленника, однако тот больше не реагировал ни на оскорбления, ни на обещания мучительной смерти. Ксенос просто лежал и прислушивался к собственным ощущениям. Поняв, что если он продолжит в том же духе, то рано или поздно придут старшие товарищи и увидят его совсем не за тем занятием, к которому он на данный момент был приставлен, Дохля ещё раз прицельно плюнул в серокожего и потащил ведро дальше, продолжая исступлённо натирать палубу грязной тряпкой, и бормоча себе под нос какие-то одному ему понятные проклятия. Полукровка и сам не знал, почему этот чужак, которого он увидел первый раз в жизни, так сильно вывел его из себя. Быть может, потому что даже по внешнему виду он казался сильнее, да и чего тут греха таить - красивее. Чувствовалось в нём что-то, что заставляло Дохлю отчаянно завидовать и еще сильнее ненавидеть собственное жалкое

сущетсовование.

Потеряв интерес к этому явно негативно настроенному га- харцу, кем бы они ни были, Лакин принялся анализировать ситуацию. Судя по окружающей обстановке, умереть на Ту- ви-5 ему было всё-таки не суждено. Сибурианец отчётливо помнил последние секунды боя: ему удалось уничтожить не только решившего поохотиться на него аристократа, но и его верных гончих. Более того, применив хитрость и смекалку, он избавился и от продвинутого боевого синтетика. Только вот, видимо, не до конца рассчитал возможности андроида, и тому всё-таки каким-то непостижимым образом удалось справиться с монстром, живущим в лесном озере. Не без по- терь, но Риз смог выбраться. И если бы не подарок контра- бандиста - энергетический клинок, - сейчас скорее всего ду- ша Стакса летела бы навстречу сс духом родной планеты. И тем не менее, после того как он потерял сознание, что-то яв- но произошло. Потому что, судя по окружающей его обста- новке, он находится в какой-то клетке, расположенной в го- раздо более обширном техническом помещении, а это может означать только одно - он здесь в роли пленника.

Второй раз после того, как Лакин попал в космос, он оказался в неволе. Это весьма разозлило парня, только вот злость - плохой советчик, и молодой охотник принял самое мудрое решение в данной ситуации: он максимально успо- коился и попытался отстраниться от всего чтобы проанали- зировать ситуацию и найти пути решения своих проблем.

Итак. На груди лежит какая-то непонятная штуковина, а внутри собственной грудной клетки, несмотря на достаточно серьёзное онемение и потерю большей части чувствительности, можно заметить какое-то движение. А это значит, что-то это технологическое устройство делает с тем местом, в котором ещё совсем недавно была сквозная дыра после выстрела имперского аристократа. Какой вывод можно сделать из всего этого? Элементарно: раз он не чувствует боли, а она должна быть, более того, общее состояние говорит о том, что ему значительно лучше, то скорее всего эта штуковина является каким-то медицинским прибором. Хотя ничего подобного прежде сибурианец не видел. Только вот мало ли о чем он не знает в этом удивительном мире? Слишком много в нём скрывается неизведанного. Так почему бы в нём не нашлось места и такому?

Постепенно цвета индикаторов из тревожных красных оттенков стали вновь меняться, возвращаясь к нормальным значениям. Вспомнив о том, что он теперь далеко не дикарь и у него есть нейросеть, Лакин мысленным усилием вывел её из скрытого режима и принялся изучать данные о состоянии собственного здоровья. Прежде, после того как он схлестнулся с пришедшими по его душу охотниками, большая часть логов была забита тревожными сообщениями, однако сейчас всё выглядело совсем иначе. Погрузившись в их изучение, Лакин пришёл к выводу, что он прав - более того, ему удалось даже соединиться с устройством, размещён-

ным у него на груди. Автоматический доктор модели «Медикал-55» уверенно определился в списке сопрягаемого оборудования, и сибурианец, не особо понимая, что он делает, принялся ковыряться в доступных для него настройках. Однако вскоре понял, что его собственных знаний явно не хватает, да и высокотехнологичное оборудование убедившись в отсутствии у своего пациента необходимых сертификатов вскоре отказалось с ним коммуницировать. Однако кое-какую информацию сибурианец всё-таки получил, хотя и прекрасно понимал, что верно интерпретировать её полностью не может. Из чего сделал вывод: как только у него появится такая возможность, необходимо прикупить базу знаний медицинской направленности, чтобы иметь возможность работать с подобным оборудованием. И тем не менее самое главное он всё-таки понял - сейчас ему лучше лежать и постараться не двигаться, дабы не мешать этому механическому врачу делать свою работу.

Автодок ковырялся у груди сибурианца ещё примерно три часа, за время которых Стакс изучил, наверное, каждый миллиметр видимой ему части отсека, в котором он находился: каждую заклёпку, каждый кабель, протянутый под потолком, каждое пятно ржавчины, которых здесь виднелось достаточно много. Только вот всё когда-нибудь подходит к концу. Закончил свои процедуры и этот, несомненно, очень полезный ящик. Все манипуляторы, устранявшие внутренние повреждения, скрылись во в недрах агрегата, и он отключил-

ся, оставив горящим лишь один единственный оранжевый индикатор, свидетельствующий о том, что работа подошла к концу.

Пролежав ещё минут десять, уроженец Сибура понял, что скорее всего процедур больше не предвидится, и осторожно приподнял устройство. Только убедившись в том, что оно больше ничего с ним не делает, парень снял металлический ящик со своей груди и бережно опустил его на палубу - мало ли, вдруг он дорого стоит и ему выставят счёт за порчу подобного имущества. Ведь пока непонятно, почему именно он оказался в клетке. Быть может, это всё какое-то недоразумение? Не просто же так его стали лечить. Поэтому пороть горячку однозначно не стоило. Для начала нужно как следует во всём разобраться и принять решение о том, что делать дальше.

Оскорблявший его уродливый разумный, неизвестной Лакину расы под названием гахарцы, давно покинул достаточно объёмное помещение, скрывшись в противоположной стороне от входа, позволяя сибурианцу как следует изучить место, в котором он оказался. Правда, долго в одиночестве быть ему было не суждено. Буквально через полчаса после того, как медицинские приборы закончили латать своего пациента, двери в трюм открылись, пропуская через себя троих закованных в боевую броню разумных, увешанных разнообразным оружием с ног до головы. Они молча протопали от входа к клетке, разблокировали замок, и один из них уве-

ренно скомандовал с каким-то лёгким рычащим акцентом на языке Содружества:

- На выход.

Глава 1. Отверженные

Глаза молодого сибурианца лишь на долю мгновения задержались на фигурах закованных в тяжелые скафандры бойцов, чтобы он сразу понял: в данной ситуации перечить этим мордоворотам не следует. Пока обстановка не прояснится, нужно постараться вести себя максимально миролюбиво и достойно, ведь в сущности, причину происходящего с ним юноша пока не понимал. Ясно было одно: ему оказали медицинскую помощь - значит, для чего-то он был этим существам нужен. К тому же сражаться голыми руками с закованными в броню воинами - не самая перспективная с точки зрения результативности затея. Именно поэтому Лакин не стал спорить и задавать лишних вопросов, а просто подчинился. Решив, что в любом случае скоро всё решится и встанет на свои места.

Самый мощный и крепкий из тех, кто явился за ним, двигался впереди. Следом, под конвоем двух оставшихся бойцов, шёл Стакс, внимательно изучая не только спину старшего, но и характерные особенности его скафандра. На всякий случай парень пытался найти в нём слабые места. Сама натура охотника заставляла его думать в этом направлении, и, честно говоря, даже не обладая нужными навыками и опытом, сибурианец смог заметить пару уязвимых точек,

куда при особом желании и определенной доле удачи вполне можно было бы воткнуть клинок - если бы, конечно, он у него сохранился.

К сожалению, после того как Стакс пришёл в себя, он с горечью вынужден был признать, что абсолютно ничего из прежнего имущества ему не оставили. Даже купленный втридорога устаревший наручный искин бесследно исчез. Наверняка, если бы его «Спектр» не был повреждён синтетиком, то, скорее всего, сняли бы и его, однако, видимо, побрезговали - кому нужен неработающий костюм, ремонт которого если и возможен, то встанет в немалую сумму? Но самое печальное - у него отобрали его ножи - то, что сибурианец искренне любил и чем гордился, его память о родной планете.

Обладая не таким уж и серьёзным опытом путешествий на космических кораблях, Лакин тем не менее быстро понял, что сейчас он находится на одном из них. По крайней мере некоторые элементы, которые ему попадались на глаза по пути уже встречались ему раньше. Правда, то, что юноша видел сейчас, выглядело чуть более примитивным или скорее всего попросту устаревшим. И тем не менее герметичные двери, через которые они периодически проходили, исправно осуществляли свою функцию, хотя для их открытия нужно было набирать определённую комбинацию на вполне физических кнопках кодовых замков. Раньше сибурианец ничего подобного не видел - везде подобные шлюзы были обо-

рудованы гладкими сенсорными панелями.

За спиной пленника бойцы что-то обсуждали, но понять смысл сказанного Лакин не мог. Этот странный рычащий язык был чем-то похож на тот, которым пользовались на его родной планете, однако уловить смысл он, как ни старался, всё же не сумел - разве что интонации, потому что некоторые фразы явно вызывали смех у собеседников. Да и сам внешний вид этих разумных, которые не прятали своих лиц, вызывал невольное уважение. Мощные, крупные черты лица, словно вырубленные очень умелым мастером из камня, в купе с тёмным, коричнево-фиолетовым цветом кожи наверняка вызывали у многих, кому не повезло повстречать на пути этих бойцов подсознательное чувство опасности. Юноша ещё не знал ничего про этих существ, но всем своим нутром ощущал, что они шутить не любят, а значит, вести себя с ними нужно максимально серьёзно. В данной ситуации его основная задача - выжить, и сделать это нужно во что бы то ни стало. Если уж ему повезло не сдохнуть на той агрессивно настроенной ко всему живому планете, то нужно непременно воспользоваться выпавшим ему шансом.

Коридоры сменялись коридорами, но спустя пятнадцать минут спокойного шага, во время которого с сибурианцем вообще не разговаривали и возникало чувство, что его даже не замечают, конвой остановился, по всей вероятности добравшись до конечной точки маршрута. Старший группы, двигавшийся в авангарде, глухо бухнул бронированным ку-

лаком в металл шлюза, а затем еще два раза. Несколько секунд ничего не происходило, а потом дверь плавно отъехала в сторону, и боец, не раздумывая, прошёл внутрь. Лакин понял, что ему нужно войти следом, и, внимательно осматриваясь по сторонам, сделал это. Замыкающие, перестав разговаривать на своём языке, двинулись молчаливыми и невозмутимыми теньями, держась теперь на расстоянии вытянутой руки от рейнджера-неудачника.

Внутри пространство выглядело так же, как и весь корабль, если судить по тем немногим коридорам, которые Лакин успел увидеть за время своего пребывания на борту: старый металл, переживший, судя по всему, не один десяток лет службы, местами был покрыт потемневшими от времени защитными панелями, кое-где соединёнными между собой уже не штатными креплениями, а грубыми полосами металла и не самыми эстетичными сварными швами. На стенах виднелись многочисленные царапины и вмятины, а под потолком тянулись толстые жгуты кабелей, часть которых была уложена в специальные короба, а часть, похоже, давно перестала кого-либо интересовать и свисала вдоль переборок, прикрытая выцветшей защитной оплёткой. Старые световые панели давали ровный, но какой-то болезненно-бледный свет, временами едва заметно мерцая в такт работе корабельных систем, а из глубины переборок постоянно доносился низкий какого-то оборудования, создававший ощущение, будто огромная металлическая туша корабля вокруг

них никогда не перестаёт дышать, упрямо сражаясь со временем за свою жизнь.

Здесь не было ни привычного для современных кораблей блеска полированного композита, ни аккуратно встроенных в стены терминалов, ни декоративных элементов, которыми владельцы дорогих судов любили подчёркивать свой статус. Даже пол выглядел так, словно его чистили исключительно из соображений необходимости: поверх старого покрытия местами появились новые листы покрытого противоскользящими насечками металла, причём некоторые из них отличались оттенком и фактурой, а вдоль стен тянулись потёртые жёлтые полосы разметки, давно потерявшие первоначальную яркость. В воздухе чувствовался лёгкий запах нагретого металла, машинного масла и внутренностей регенерационных фильтров, которые давно следовало заменить, но почему-то никто не спешил этого делать.

Судя по ширине помещения и расположению дверей, когда-то здесь наверняка находился какой-нибудь командный или тактический отсек, рассчитанный на работу сразу нескольких офицеров, однако от прежнего назначения практически ничего не осталось. Старые крепления на стенах кое-где ещё сохраняли следы демонтированного оборудования, а в одном месте из переборки даже торчал короткий обломок металлического кронштейна, который никто не счёл нужным убрать. Всё остальное пространство было практически пустым, и от этого особенно нелепо выглядел единствен-

ный предмет, явно установленный здесь уже нынешними хозяевами.

Им оказался массивный стул, больше напоминавший небольшой трон, чем обычное кресло. Он стоял примерно в десяти метрах напротив входа, тяжёлый, тёмный, с широкими подлокотниками и высокой спинкой, и совершенно не вписывался в убогую обстановку старого корабельного отсека, давно потерявшего память о своем первоначальном предназначении. Создавалось впечатление, будто кто-то однажды решил, что если уж приходится командовать на ржавом крейсере, то хотя бы сидеть при этом следует как императору.

Для чего на корабле существует такое огромное помещение - было непонятно, однако вскоре всё должно было проясниться.

Рядом с тронном, спиной к вошедшим, стоял тот, к кому пленника, судя по всему, и привели. Гахарец не оборачивался, неподвижно ожидая пока за посетителями не закроется дверь, и видимо, совсем не опасался подставлять вошедшим свою мощную бронированную спину. Глава клана Хар'Агахар, услышав, что шаги вошедших затихли, медленно повернулся и выслушал доклад.

- Джар, пленник доставлен.

Благодарить немолодой, судя по морщинам на его волевом лице, мужчина не стал. Вместо этого он подошёл ближе и принялся внимательно осматривать приведенного к нему

сибурианца. Этот странный ксенос вызывал у многое повидавшего наемника лишь лёгкий, почти мимолётный интерес, потому что ему было очень уж любопытно узнать, что же произошло там, где нашли это серокожее существо, и можно ли на этом заработать. Клановые аналитики утверждали, что скорее всего - да. Но вот сам ксенос, честно говоря, кроме отвращения, основанного на осознании, что этот весьма скромный по комплекции по сравнению с настоящими воинами гахара разумный, не вызывал ничего. Однако это было только на первый взгляд. Чем дольше смотрел на этого парня Джар, тем сильнее ему не нравилось то, как смотри на него этого существо. Любой другой на его месте скорее всего отвёл бы глаза в сторону или вообще потупил взор, потому что глава клана, в жилах которого текла кристально чистая кровь, был по меньшей мере на голову выше этого дохляка и легко мог бы убить его одним ударом, если бы у него появилось такое желание. Но этот не испугался - он стоял и прямо смотрел в лицо тому, кто в данный момент являлся хозяином его судьбы.

- Ты понимаешь галактус, чужак? - перейдя на единый язык Содружества, спросил он у Лакина.

- Понимаю.

- Тогда ты должен ответить на мои вопросы, и если мне понравится твои слова, то, вполне возможно, ты останешься жить. Правда не знаю надолго ли.

- Не самая лучшая сделка в моей жизни, - слегка усмех-

нувшись, отозвался сибурианец, - но и не самая худшая. Спрашивай.

Чем-то эти слова позабавили Джара, и он растянул губы в злой ухмылке.

- Кто ты такой и что делал на Туви-5? Рядом с тобой было найдено тело в дорогом скафандре. Я хочу знать, кто это был и что там у вас произошло.

Лакин задумался: стоит ли делиться этой компрометирующей информацией с незнакомым и, судя по всему, очень опасным разумным? Не навлечёт ли он тем самым на себя беду? Ведь как ни крути, а он своими руками убил имперского аристократа. И пусть тот пытался сделать в его отношении то же самое, но сейчас никому, кроме разве что тем, кто его нанял, уже ничего нельзя инкриминировать в связи с отсутствием ответчика, а вот сам Лакин - другое дело.

- Меня пытались убить, я защищался. Так что можно сказать - все они сами выбрали свою смерть.

- Судя по качеству скафандра, который мы сняли с трупа, он стоит целое состояние, а значит, его владелец наверняка был непростым обывателем. Ты знаешь его имя?

- Знаю, - лаконично подтвердил сибурианец, не вдаваясь в подробности.

- Так назови его, - немного раздражаясь потребовал Джар.

- Почему я должен это делать?

- Возможно, потому что ты сейчас находишься на моём корабле, и только я буду решать, как ты умрёшь.

- Все когда-нибудь умрут, - философски пожал плечами пленник. - Даже вы. Предпочитаю сделать это понимая, что происходит.

- Тут ты прав. Только вот, видишь ли, есть очень большая разница в том, когда и, самое главное, как это случится. Можно умереть как грязный харш, покорно отдающий себя в пищу, а можно - в бою, как подобает мужчине. Или как кусок дерьма, медленно остывая в открытом космосе после того как твои внутренности взорвутся от эмболии.

- Я не знаю, кто такой харш, но согласен, что умереть, сражаясь, гораздо достойнее, - признал Лакин, осознав, что его сейчас похоже запугивают.

- Этот ксенос мне нравится, - растянул в хищной улыбке губы глава наёмников, обращаясь к своим подчинённым. - Я слышу правильные слова.

- Ты знаешь, кто мы такие, серокожий?

- Космос велик и бездонен, как болота Сибура. Таких, как вы, я раньше не встречал, - признался Стакс, рассматривая внешность говорившего, а она, надо признать, была достаточно колоритной.

Во-первых, этот мужчина, даже несмотря на то, что был облачён в боевой скафандр, явно отличался очень крепким телосложением, и выглядел мощнее тех, кто доставил Лакина. Если бы он сейчас оказался обнажён, наверняка можно было бы рассмотреть мощные мускулы. Но самое интересное заключалось в цвете его кожи. Парень видел только лицо со-

беседника, и оно было двухцветным: от подбородка, расширяющимся кверху клином, шла насыщенная тёмно-фиолетовая с лёгкими прожилками полоса, скрывающаяся в коротком ёжике чёрных волос. Большая часть остальных открытых участков была окрашена в тёмно-коричневый цвет, нос прямой, достаточно крупный, но в то же время не мясистый, кожа - гладкая, если не считать имеющихся явно возрастных морщин. Глаза - светло-карие с янтарным ореолом.

Тот агрессивно настроенный паренёк, которого Лакин первым увидел на этом корабле, выглядел совсем иначе: цвет его кожи сильно отличался, хотя кое-какие общие черты всё-таки можно было опознать, но у того уборщика не было видно никаких цветных отметин. Отсюда можно было сделать вывод, что тот бедолага или такой же пленник, или вообще другой расовый вид, что в общем-то было в порядке вещей в столь разношёрстном обществе, как Содружество.

- Посмотри на моё лицо повнимательнее и скажи, кто я, - резко потребовал явно недовольный ответом сибурианца Джар Гару.

- Я не понимаю, что ты хочешь услышать. Я вижу перед собой мужчину, наверняка воина. Меня привели к тебе - значит, ты здесь главный. Я недавно оказался в космосе, поэтому, скорее всего, не успел изучить нужные базы знаний, чтобы понять, с кем имею дело, - немного подумав, ответил Лакин, выстроив достаточно длинную, по его мнению, фразу, но он правда терялся в догадках, что от него хотят.

- Мои ребята сказали, что у тебя установлена нейросеть, поэтому можешь не притворяться диким - это тебе не поможет.

- Да, у меня есть нейросеть. Установил перед тем, как отправиться на Туви-5, но не более того. Много баз я изучить не мог, потому что они дорогие. Похожих на вас я не видел.

Некоторое время глава клана молчал, внимательно изучая внешность пленного ксеноса. Несмотря на то, что за годы своей жизни он освоил большое количество разнообразных баз знаний, в том числе и по ксенологии, точно определить, к какому конкретно племени принадлежит этот дерзкий парень, с ходу не получилось, что закономерно вызвало дополнительный интерес. Джар ещё раз внимательно осмотрел телосложение найденного раненным на планете ксеноса и вынужден был признать, что оно довольно крепкое, но в то же время не тяжеловесное. Самое примечательное состояло в том, что мужчина не чувствовал в стоящем перед ним разумном никаких признаков страха, хотя он сделал всё, чтобы оно появилось.

- Назови своё имя, - потребовал глава наемников.

- Лакин Стакс, - представился сибурианец.

- Так вот, Лакин Стакс, я вижу, что ты не из робкого десятка и хорошо держишься, несмотря на невесёлые для тебя обстоятельства. Расскажи мне о том, кого мы нашли рядом с тобой, и я обещаю, что ты умрёшь с честью.

- Интересно, каким образом? - с легкой ехидцей спросил

юноша.

- Ты станешь тем, кто позволит моему клану стать на одного воина богаче.

- Пока не очень понятно, про что ты говоришь, и почему в таком случае мне нужно что-то рассказывать? - хмуро проговорил Лакин. - Невыгодный контракт.

- Ты станешь смазкой для клинка при рождении воина, - усмехнулся Джар. - У нас как раз подошло время для испытания. И поверь, такая смерть гораздо лучше, чем если бы мы выкинули тебя в открытый космос без скафандра.

- Резонно, - немного подумав, пожал плечами юноша. - Что же, того хомо звали Флориан Ар-Хейм, какой-то ара-танский аристократ, граф. Очень уж он любил охотиться, да только последняя поездка у него не задалась. Болотные твари иногда умеют показывать зубы.

- Да уж, мои люди не смогли поживиться ничем из его головы, а судя по тому, что там осталось, стоила она очень много. Ты его прикончил?

- Я, - не став отпираться от очевидного факта, подтвердил сибурианец.

- Хороший, видимо, был бой. Но самое главное я от тебя услышал, чужак. Можешь считать, что достойную смерть ты себе купил. Увести.

- А в чем ценность этой информации? - поинтересовался Лакин.

- Продадим его труп наследникам. Это же очевидно. Без

него они не смогут получить ничего, а аристо редко бывают бедными, - откровенно ответил Джар, после чего глава клана развернулся, потеряв дальнейший интерес к собеседнику, судьбу которого он только что окончательно решил.

Бойцы молча подтолкнули пленника в спину, кивком указав ему на дверь.

- А если ваш воин станет этой самой смазкой? - спросил сибурианец у мужчины, который уже размышлял над тем, насколько же ему повезло оказаться в столь удачный момент в этой дыре космоса.

Тот медленно обернулся и жёстко посмотрел парню в глаза:

- Займёшь его место. Но можешь на это даже не надеяться.

Гахарец снова отвернулся и махнул рукой, показывая своим подчинённым, что разговор окончательно завершён.

Лакин не стал больше испытывать судьбу и предпочёл замолчать. Всё, что было необходимо, он узнал. По крайней мере он ещё жив, здоровье ему поправили, нейросеть уверенно рапортовала, что жизненные показатели в норме, а значит, придётся за всё это расплачиваться - впрочем, как и за всё остальное в этом циничном мире. И такая цена, если уж здраво рассудить, ещё не самая высокая. По крайней мере здесь с ним поступили достаточно честно: сразу сказали, что его ждёт, а не обманом привезли на убой, пообещав хороший заработок.

Дверное полотно шлюза плавно отъехало в сторону, и

конвой вышел из помещения, в котором происходила беседа, однако практически сразу мощная рука одного из гахарцев резким рывком вжала Стакса в переборку. От неожиданности Лакин завертел головой и моментально понял причину такого агрессивного поведения: по коридору лёгкой походкой навстречу им шла девушка, облаченная в обтягивающий пустотный комбинезон. Достаточно высокая и стройная, но, несмотря на то что на её лице тоже легко можно было различить фиолетовые отметины, кожа по сравнению с бойцами и главой клана выглядела гораздо светлее. Её можно было бы спутать с представительницей расы хомо, но всё же чем-то она неуловимо отличалась. Почему-то Лакин машинально отметил, что гахарка показалась ему достаточно привлекательной, но уже в следующее мгновение ему на ухо прорычал грубый мужской бас:

- Не смотреть!

А затем его многострадальное лицо с силой впечатали в переборку.

- Кого ведёте, мальчики? - поинтересовалась девушка, поравнявшись с конвоем.

- Подобрали на дикой планете, Севиль, - расплывшись в улыбке, тут же отозвался старший троицы.

- Покажи мне его, - остановившись, потребовала красотка, и под её настойчивым взглядом бойцы беспрекословно подчинились.

Та же рука, прижимавшая Лакина к выкрашенного серой

краской металлу, рывком развернула его, и парень уставился в янтарные глаза молодой гахарки.

- Что по нему решил отец? - несколько долгих секунд рассматривая пленника уточнила красotka.

- Испытание, - лаконично сообщил старший. - Карт Янгу давно пора стать настоящим мужчиной.

- Хм. Опять он за своё, - протянула Севиль, и её взгляд стал ещё пристальнее.

На секунду Стакс почувствовал лёгкую дезориентацию, в голове зашумело, но вскоре странное состояние прекратилось.

- Мне кажется, что Джар ошибается на его счёт. Он очень непростой. Я чувствую в нём какую-то дикую первобытную силу. Как бы мы не потеряли то, что отец хочет обрести.

- Решение принято, - упрямо тряхнув коротким ёжиком волос прогудел воин.

Девушка сокрушенно покачала головой, понимая, что, если уж глава, который по совместительству являлся её отцом, что-то озвучил перед своими младшими братьями, то назад уже ничего не отмотать - иначе могут возникнуть сомнения в его праве руководить кланом.

- Где его разместили?

- В грузовом трюме, в клетке. Как обычно.

- Дайте ему поесть и лежанку. Знаю, что там ничего такого нет. Отнеситесь как к моей личной просьбе.

- Ты слишком добра к нему, Севиль, а могла бы и в мою

сторону посмотреть, я этого достоин как никто другой - немного обиженно проговорил боец.

- Ан Дар, по-моему, я с тобой давно уже всё обсудила и больше не хочу слышать об этом, - жёстко осадил говорившего девушка.

Тот не стал спорить, лишь молча кивнул, хотя скулы на его грубом лице заходили ходуном, и как только красотка сделала шаг по направлению к помещению, в котором обычно находился её отец во время нахождения в гиперпространстве, процессия снова двинулась по бесконечным коридорам старого крейсера.

Метров через сто, когда за спиной осталось несколько поворотов, боец, шедший позади, видимо посчитав, что они уже достаточно удалились, не выдержал и спросил:

- Ан, ты всё ещё не оставляешь надежды породниться с Джаром?

- Твоё какое дело? - дернув головой, огрызнулся гахарец.

- Она же видящая. Ребенок может унаследовать её способности.

- Какая разница? Зато кровь у неё, несмотря на кожу, чиста, а я хочу крепкое потомство.

- Только вот она, похоже, не разделяет твоих желаний. Даже этот чужак ей, похоже, интересен гораздо больше, чем ты.

- Это пока. Но я только начал. Если уж по-хорошему не согласится, воспользуюсь правом силы.

- Я приду на это посмотреть, - спрятав улыбку, пообещал

боец, по внешнему виду которого легко можно было прочитать, что он очень доволен собой и тем, как смог раскрутить товарища на откровенность.

Судя по всему, обиженный мужчина тоже это понял, но всё-таки решил не обострять ситуацию, тем более что никакого прямого оскорбления побратим в своих вопросах не допустил.

Лакин пытался понять, о чём говорят эти разумные, но как бы он ни старался, слова этого странного рычащего языка никак не желали раскрывать перед ним свои тайны. Видимо, гахарцы специально общались между собой на своём наречии, чтобы он ничего не понял.

Юношу отвели в ту же самую клетку и, толкнув в спину, заставили оказаться внутри. Ящика, который лечил парня некоторое время назад, тут уже не наблюдалось - видимо, его успели забрать. Дверь захлопнулась, и немногословные конвоиры удалились, оставив Стакса в одиночестве.

Сибурианец прошёлся по периметру клетки, внимательно осматривая каждый миллиметр пространства, до которого можно было дотянуться, и вынужден был признать, что здесь всё продумано. Никаких, даже самых экзотических, способов выбраться отсюда не наблюдалось. Рейнджер-неудачник выбрал один из дальних углов и уселся прямо на палубу, прислонившись спиной к прутьям, после чего прикрыл глаза, успокаиваясь.

Надо было всё тщательно обдумать. Хотя о чём тут вооб-

ще можно рассуждать? Если верить словам главного, а сомневаться в них причин нет, то ему придётся вскоре драться за свою жизнь, и очень хочется надеяться, что ему всё-таки дадут хоть какой-нибудь шанс на победу. Внешне эти воины выглядят очень сильными и подготовленными, а как уже показала практика, нельзя недооценивать никакого противника. Ар-Хейм, несмотря на то что выглядел как мешок с жиром, на поверку оказался очень опасен и смог показать незаурядные боевые способности. А значит, и тут, скорее всего, находятся очень подготовленные бойцы. Базы знаний, как ни крути, дают массу преимуществ тем, у кого хватило ума озаботиться их приобретением - это очевидно. Жалко, что сам он решил немного сэкономить и оставил часть средств про запас вместо покупки столь необходимых знаний, которые могли бы сейчас ой как помочь. Впредь, если удастся выжить, следует поступать мудрее и все заработанные деньги тратить на собственное усовершенствование. Правда, будет это вообще или нет - совершенно непонятно. Так что ему остаётся надеяться на скорость, удачу ну и на ошибку противника, кем бы он ни оказался.

Глава 2. Клетка

Часы тянулись мучительно медленно, неторопливо складываясь в первые по-настоящему долгие сутки плена, а организм молодого охотника, воспитанный одной из самых суровых планет, продолжал напоминать о себе самым прозаичным образом. В трюме никто не заходил, и тишина, прерываемая лишь низким гулом слегка резонирующих переборок, начала играть Лакину на нервы едва ли не сильнее, чем неопределенность его дальнейшей судьбы. Нужда в отхожем месте становилась всё сильнее, а ничего даже отдалённо напоминающего его в клетке не наблюдалось. Парень держался сколько мог - на Сибуре не принято поднимать шум по пустякам, - однако у всякого терпения есть свой предел, и в какой-то момент он с горечью осознал: облегчиться придётся прямо здесь. Только вот сама мысль о том, чтобы гадить в собственном жилище, пусть даже временном и вынужденном, вызвала у него почти физическое отвращение. Запах нечистот легко приманивает всякую мелкую тварь, а привитая с молоком матери дисциплина не позволяла молодому охотнику поступать подобным образом даже здесь, в трюме чужого корабля.

Немного поразмыслив, юноша нашёл выход: оторвал от своего изрядно потрёпанного, уже никуда не годного комбинезона широкий лоскут плотной ткани, устроился в дальнем

углу и справил нужду на него, после чего, вспомнив недавнюю выходку тщедушного уборщика, мстительно швырнул получившийся свёрток за пределы решётки, туда, где ему было самое место. Затем невозмутимо вернулся в свой уголок и прикрыл глаза, погружаясь в лёгкое подобие медитации, которой его когда-то научил отец.

Спустя пару часов закрипел шлюз, и в трюме послышались шаги - уверенные, ровные, без той нервозности, что выдавала обычно Дохлю. Лакин слегка разомкнул веки и увидел молодого гахарца, по цвету кожи почти не отличавшегося от своих старших собратьев - тёмно-коричневая кожа без зелёного оттенка, крепкое сложение, характерный ёжик тёмных волос и фиолетовые отметины. Парень тащил поднос с несколькими стандартными пластиковыми контейнерами из простенького корабельного синтезатора и, не церемонясь, протолкнул их в узкую щель у самого основания решётки. А затем его ноздри дёрнулись, и взгляд без труда нашёл источник неприятного запаха.

- Ты настолько дикий, что гадишь где придётся? - поинтересовался он, поначалу что-то буркнув на своём языке, а затем, вспомнив, что пленник его не поймёт, перешёл на галактус.

- Если бы здесь был туалет, я бы им воспользовался, - не растерялся Лакин, выдержав короткую паузу. - Но у вас, видимо, так принято. Тем более я думаю, здесь найдётся кто-нибудь, кто всё это уберёт. Такой... зеленоватый.

Гахарец расхохотался - искренне, без злобы.

- Ха! Тут ты прав. Самая подходящая работёнка для этого убожества, которое надо было выбросить в открытый космос сразу после рождения. Я принёс тебе поесть. И буду за тобой присматривать. Раньше здесь стоял утилизатор, но, видно, сломался, и никто чинить не спешит. Меня вполне устроит, что теперь эту роль исполняет он. Гнилой полукровка - ему всё равно никогда не стать воином, так что мне не жаль.

Он ещё немного посмеялся, разглядывая неподвижно сидящего пленника, а затем развернулся к выходу и на прощание бросил:

- Следующая еда - завтра. Велено кормить раз в сутки.

Едва звук его шагов стих в глубине коридора, Лакин поднялся и внимательно осмотрел оставленные контейнеры - снаружи всё выглядело обычно, ничего подозрительного он не обнаружил, поэтому забрал еду и вернулся в свой угол. Приборов ему, судя по всему, не полагалось, и молодой охотник, не испытывая по этому поводу ни малейшего смущения, воспользовался пальцами - на Сибуре есть руками было делом привычным. Расправившись с обоими контейнерами, он так же без затей выкинул пустую тару за пределы клетки и вернулся к прерванному занятию.

Благодаря нейросети вести отсчёт проведённому в плену времени не составляло никакого труда, и когда по внутренним часам подошла пора отдыха, сибурианец улёгся прямо на палубу и практически сразу заснул, хотя его нервная си-

стема, воспитанная негостеприимной планетой, нороящей прикончить тебя миллионом разнообразных способов, продолжала частично бодрствовать даже во сне.

Разбудил его тот же самый скрежет открывающегося шлюза, а следом за ним - несколько других, безошибочно узнаваемых звуков. Лакин мстительно ухмыльнулся про себя: память у него всегда была цепкой, и эту шаркающую, неуверенную походку он узнал бы из тысячи. В трюм вошёл тот самый уборщик и, судя по лязганью металла о металл, принялся за дело. Минут через сорок, добравшись до середины помещения, паренёк наткнулся на оставленный ему сюрприз и мгновенно вспыхнул, разразившись потоком оскорблений на причудливой смеси галактуса и гахарского наречия.

Лакин полежал ещё немного, затем сел, откинулся спиной на прутья решётки и с гаденькой улыбочкой процедил:

- Кажется, у меня появилось прекрасное развлечение. Буду смотреть, как ты убираешь за мной дерьмо.

- Я тебя прикончу, мерзкий ублюдок! - взвизгнул Дохля, брызгая слюной. - Прикончу!

Молодок охотник ещё немного поиздевался над этим не самым сдержанным гостем, а затем резко поднялся и метнулся к решётке - намереваясь как следует напугать зарвавшегося уборщика, правда не рассчитывая дотянуться. Однако, надо отдать должное полукровке: он отшатнулся в самый последний момент, избежав знакомства с сильными пальцами серокожего ксеноса. Спесь слетела с него мгновенно - он

не ожидал подобной прыти от того, кого ещё вчера безнаказанно обливал мочой.

- Что же ты, мальчик? - насмешливо протянул сибурианец, наблюдая, как тот испуганно пятится. - Ты же хотел меня убить, а сам убегаешь.

Только вот у Дохли имелось одно неоценимое качество - он давно научился выживать там, где его считали ничтожеством, и мгновенно разгадал уловку пленника.

- Тебе всё равно не сбежать. Я не знаю код от замка, но знаю другое: ты скоро сдохнешь.

- Но перед этим ты будешь мне прислуживать, - парировал Стакс. - Вымой палубу возле моей клетки как следует. Я люблю порядок. - Он демонстративно сплюнул на пол и вернулся на своё место.

Дохла ничего не оставалось, кроме как, скрипя зубами, снова взяться за тряпку - отказаться от выполнения приказов старших он не мог, а собственные собратья с удовольствием воспользовались бы любым поводом, чтобы ещё раз унижить, а то и физически наказать полукровка, если бы узнали о его неповиновении. Закончив с уборкой, паренёк потащил ведро к выходу, однако в последний момент его окликнули сзади.

- Эй, как там тебя. Подойди, поговорить надо.

Решив было, что пленник снова примется издеваться, неполноценный гахарец хотел было проигнорировать просьбу, но что-то - быть может, простое любопытство - заставило

его всё же приблизиться к решётке.

- Чего надо? - буркнул он, глядя на спокойно сидящего чужака исподлобья.

- Ты ведь понимаешь, что я легко могу усложнить тебе жизнь. Наверняка тебе не очень нравится то, чем ты занимаешься.

- И что с того? Я умею терпеть. И дождусь, когда тебя зарежут, как грязного харша.

- Почему-то мне казалось, что ты не такой, - невозмутимо продолжил сибурианец, всё это время прокручивавший в голове расклад и решивший, что этим недалёким, но упорным существом вполне можно попытаться воспользоваться.

- Я не знаю, сколько мне здесь сидеть. Вполне возможно, что достаточно долго, и всё это время тебе придётся унижаться. Но ты можешь этого избежать, если принесёшь мне хотя бы такую же штуку, в которой ты носишь воду. По крайней мере, тебе не придётся руками убирать за мной. По-моему, это очень хорошая альтернатива.

В голове полукровки завертелась масса мыслей - он искренне не понимал, зачем ксенос вдруг делает ему такое предложение, но вскоре всё встало на свои места.

- Но это ещё не всё, - добавил Лакин. - Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что такое «испытание».

Услышав вторую часть просьбы, паренёк только сильнее уверился в собственной правоте и решил, что ни за что на свете не станет помогать чужаку.

- Да пошёл ты. Делай что хочешь, всё равно сдохнешь. - Он схватил ведро и направился к выходу, даже не оборачиваясь.

Сибурианец пожал плечами и снова прикрыл глаза - похоже, он немного переборщил, слишком сильно передавив в общении с этим уборщиком, и в итоге не получил нужную информацию.

И снова потянулись часы вязкого как болото ожидания, и от нечего делать Лакин принялся разбираться в настройках собственной нейросети - на собственном опыте, потому что специальных баз знаний, которые позволили бы работать с этим инструментом на качественно ином уровне, у него не имелось, и такой роскоши ждать в обозримом будущем явно не приходилось.

Он начал с изучения вообще всех доступных ему параметров, затем немного поколдовал над эргономикой, более удобно распределив основные инструменты по периферии зрения - рассудив, что перегружать центральную область незачем, - слегка подстроил цветовую гамму и степень прозрачности слоёв, приглушив фоновые технические маркеры: время, дату, срочные уведомления, показатели здоровья и прочую подобную мелочь.

Затем принялся возиться с основным рабочим слоем - той виртуальной областью, что как будто существовала на расстоянии сорока-пятидесяти сантиметров от глаз и куда выводилась вся ключевая информация, выдаваемая по запро-

су. Активировать её требовалось мысленным усилием, и если в самом начале знакомства с этой технологией сибури-анцу было непросто фокусироваться на конкретной команде - посторонние мысли то и дело сбивали концентрацию, - то теперь, спустя не такое уж и долгое время, разум сам собой подстроился, и нейросеть откликалась на любой посыл чётко и без задержек. Заодно он немного приглушил яркость и этого слоя, чтобы тот не мешал и не отвлекал, а затем углубился в изучение функционала дополненной реальности: при взгляде на распознаваемый предмет система выдавала подсказки, однако в повседневной жизни это скорее мешало, чем помогало, поэтому парень безжалостно урезал лишнее, оставив только самое по его мнению необходимое - тем более что в любой момент можно было, создав отдельный шаблон, поменять всё мысленным усилием за секунду. Таких моделей работы нейросети он сделал несколько штук, решив переключать их под разные задачи.

А вот дальше начинался настоящий тёмный лес - или, как сказал бы уроженец Сибура, гиблое болото: часть тонких настроек оказалась заблокирована из-за отсутствия необходимых сертификатов, и что именно за ними скрывается, так и осталось загадкой. Впрочем, время на их изучение было потрачено не без пользы - часы плена таяли чуть быстрее. Следом настал черёд немногочисленных галопостановок, скачанных ещё перед первым самостоятельным космическим перелётом: хотя все их Лакин уже видел, сейчас, лишённый

всякого другого развлечения, он принялся пересматривать их заново. Хуже было то, что большую часть архива он хранил на наручном искине, а тот, как и всё остальное имущество, был безвозвратно утрачен.

Периодически, когда становилось совсем уж тоскливо, сибурианец поднимался и начинал измерять шагами периметр клетки - благо, судя по размерам, её проектировали как минимум на десяток пленников, а то и больше. А когда надоело и это, переходил к физическим упражнениям, для которых требовалось лишь собственное тело да прутья решётки над головой.

Именно за этим занятием - отжимаясь от палубы и мысленно считая повторения - его застал шум, донёсшийся со стороны шлюза: тяжёлые шаги, звон металла, чей-то грубый смех. Лакин замер, не поднимаясь, и осторожно повернул голову в сторону входа.

В трюм ввалилась тройца - двое рослых воинов в тёмных, потёртых комбинезонах без шлемов, и следом за ними, почти не отстававший, Ан Дар, тот самый, что несколько дней назад с силой вжимал Лакина в переборку, не позволяя смотреть на Севиль. Компанию им составлял тщедушный Дохля, тащивший на плече бухту какого-то кабеля - судя по всему, его прихватили по пути, чтобы использовать для очередной мелкой работы, а заодно и поразвлечься.

- Ну что, полукровка, - протянул один из воинов, коренастый мужчина с крупным шрамом, пересекающим бровь, -

говорят, ты у нас теперь личный слуга дикаря?

- Я делаю то, что мне приказывают, Кром, - угрюмо отозвался Дохля, стараясь не поднимать глаз.

- А приказал тебе, кажется, вон тот, - хохотнул второй, кивая на клетку. - Как забавно. Одно ничтожество прислушивается другому.

Лакин не подавал признаков активности, продолжая наблюдать сквозь полуопущенные веки за происходящим. Вмешиваться было не в его интересах - по крайней мере, пока речь не шла напрямую о нём, - и потому он предпочёл остаться сторонним наблюдателем, хотя что-то внутри неприязненно шевельнулось при виде того, как легко эти воины находят повод для унижения слабого по сравнению с ними противника.

- А знаете, - задумчиво протянул Ан Дар, обходя Дохлю по кругу, словно оценивая тушу перед разделкой, - мне сегодня почему-то особенно паршиво. И нужно кому-то напомнить, кто здесь воин, а кто - грязь под ногами.

- Я просто уборщик, - пробормотал зеленокожий паренек, отступая на шаг, но упёрся спиной в переборку. - Я ничего тебе не сделал, Ан.

- Именно, - с деланным сочувствием кивнул тот. - Ты ничего. Ты никогда ничего не сделаешь. Даже испытание тебе не светит, потому что ты - недоразумение, а не воин. А знаешь, что бывает с такими как ты?

Он не стал дожидаться ответа. Первый удар - тяжёлый, от-

крытой ладонью - пришёлся Дохле в ухо и отбросил его к переборке, в которую тщедушное тельце впечаталось с гулким металлическим звоном. Паренёк не успел даже вскрикнуть, как второй воин, тот, что со шрамом, схватил его за воротник перешитого комбинезона и с силой развернул, подставляя под удар колена в живот. Дохла согнулся пополам, из его горла вырвался хриплый, задушенный стон, после чего он повалился на палубу, судорожно хватая ртом воздух.

- Слабак, - презрительно бросил Кром, отступая на шаг, чтобы дать месту третьему. - Даже попытаться сопротивляться не хочешь.

Ан Дар шагнул вперёд, наклонился и, схватив полукровку за короткие, неопрятные волосы, рывком поднял его голову.

- Скажи мне, кто твой отец, полукровка.

- У меня... нет отца, - прохрипел Дохла, из носа которого уже текла кровь, окрашивая алым губы и подбородок.

- Правильный ответ, - одобрительно кивнул гахарец и с силой впечатал его лицо обратно в металл палубы. Раздался хруст, и паренек захлебнулся собственной кровью, попытавшись вдохнуть.

- Хватит, - процедил Кром, впрочем, без особого сочувствия в голосе, скорее из практических соображений. - Если он сдохнет, кто-то другой будет вылизывать эти коридоры, и лично я этого делать не собираюсь. Ему разрешили жить, и лучше пусть так и будет.

- Ты вечно всё портишь своими нравоучениями, - с доса-

дой отмахнулся Ан, но всё же отступил на шаг, не сдерживаясь напоследок от короткого, но злого удара ногой в бок распластанного на палубе недомерка. Дохля дёрнулся всем телом и застыл, лишь мелко подрагивая, из его разбитого носа продолжала тонкой струйкой сочиться кровь, растекаясь по грязному металлу. Он боялся даже шелохнуться, потому что в таком случае избиение могло бы продолжиться, как не мог и попросить пощады, тут уже на горло железной ногой наступала собственная гордость.

Второй наемник, всё это время молчавший, презрительно фыркнул и, подойдя к клетке, обратился к пленнику - впервые за всё время с тем самым лёгким рычащим акцентом, свойственным гахарскому произношению галактуса:

- А ты что скажешь, дикарь? Нравится представление?

Лакин, наконец сев, невозмутимо посмотрел на говорившего.

- Вы бьёте того, кто не может ответить. Много ли в этом чести? На мой взгляд - это дурная добыча.

Троица замерла на секунду, а затем разразилась дружным смехом.

- Слышал, слышал я про тебя, - отозвался Кром, поворачиваясь к клетке. - Убил какого-то жирного аристократа, победил андроида, а теперь ещё и о чести рассуждаешь. Хочу посмотреть на тебя в деле, быть может, испытание с тобой в качестве мяса окажется забавнее, чем я думал.

- Я не рассуждаю о чести, - спокойно поправил его сибу-

рианец. - Я просто говорю то, что вижу. Как назвать сильно-го, который бьёт того, кто слабее и не может дать отпор. Это что угодно, но не сила.

Лицо Ан Дара помрачнело, и он сделал шаг к решётке, по всей вероятности намереваясь проучить говорливого пленника, однако Кром, видимо обладающий более развитым интеллектом удержал его за плечо.

- Не трогай его. Джар решил, что этот ксенос останется жив до испытания. Хочешь получить нагоняй от главы - вперёд, но я в этом участвовать не буду.

Мощный гахарец зло сплюнул, смерил Лакина долгим пронзительным взглядом, не предвещавшим тому ничего хорошего, а затем развернулся и первым направился к выходу. Его собрат коротко кивнул сибурианцу - не то с уважением, не то с презрением, сложно было сказать точно - и последовал за ним, увлекая с собой и второго воина, который играючи подхватил с палубы обрonnenную полукровкой бухту кабеля, закинул ее на плечо и двинулся следом. Дохла остался лежать на палубе один, тяжело, прерывисто дыша, и лишь спустя несколько минут, когда шаги наемников окончательно стихли в глубине корабля, он с трудом перевернулся на бок и закашлялся, выплёвывая на металл сгустки крови и слюны.

Стакс долго смотрел на него сквозь прутья, не произнося ни слова. Что-то в этой сцене неприятно резонировало с его собственным прошлым - с той детской беспомощностью, ко-

гда он остался один на один с суровым нравом планеты после гибели отца, которую он сам когда-то поклялся никогда больше не испытывать. В принципе и помочь-то он всё равно не мог, да и не был уверен, что хотел бы, вспоминая собственное унижение от рук этого же паренька всего пару дней назад. Поэтому он просто молча наблюдал, как Дохла, дрожа и морщась от боли, медленно поднимается на ноги, цепляясь за переборку, подхватывает брошенное ведро и, пошатываясь, уходит прочь, так и не взглянув в сторону клетки.

Вечером того же дня, когда зеленокожий полугахарец в очередной раз явился чтобы выполнить так и не сделанную им сегодня работу - на этот раз молча, без единого слова, - Лакин, повинаясь скорее любопытству, чем состраданию, снова решил заговорить первым.

- Больно? - спросил он, наблюдая, как паренёк, морщась, опускается на колени возле дальнего угла трюма, стараясь при этом лишний раз не нагружать отбитые не в меру агрессивными соплеменниками ребра.

Дохла вздрогнул, будто не ожидал услышать голос из клетки, а затем зыркнул на пленника исподлобья - взгляд был другой, не тот, что раньше. Прежняя открытая, почти детская злоба куда-то исчезла, уступив место чему-то более холодному и расчётливому. У паренька буквально на лбу было написано, что он ненавидит пленника теперь еще и за то, что тот стал свидетелем его избиения.

- Тебе-то что с этого? - сипло выдавил он, и в горле у него

что-то неприятно захрипело - видимо, удар в живот не прошёл даром. - Радуетесь? Весело тебе?

- Не особо, - честно признался Лакин. - Просто вижу: тебя бьют все, кому не лень, а ты продолжаешь ползать и мыть за ними палубу. На Сибуре, откуда я родом, таких либо ломают полностью, либо они в конце концов огрызаются так, что об этом начинают помнить.

- Тебе не понять, что такое жить здесь, - мрачно процедил полукровка, с трудом поднимаясь на ноги и хватаясь за ведро. - Ты пришёл и уйдёшь - тебя ждет испытание, а после него утилизатор. А я останусь. Мне с ними жить.

- Тогда зачем цепляться за то, чтобы стать одним из них? Раз они с тобой так поступают?

Дохля замер на мгновение, и что-то мелькнуло в его узких, покрасневших от боли глазах - короткая вспышка ярости, которую он тут же придушил усилием воли, слишком хорошо натренированным за годы унижений и попыток выжить.

- Заткнись, - бросил он тихо, без прежнего визга, и в этой новой, спокойной злости было что-то куда более пугающее, чем в старой. - Просто заткнись, ксенос. Ты мне не друг, и никогда им не станешь. Что бы со мной ни делали свои - ты мне всё равно чужой. И я запомню, как ты сегодня смотрел на всё это и молча скалился.

Он подхватил ведро и, не оборачиваясь, покинул трюм, оставив Лакина в одиночестве размышлять о том, что, ка-

жется, где-то в этом коротком разговоре он умудрился приобрести не благодарность за сочувствие, а нового врага - терпеливого, никуда не спешащего и, что хуже всего, уже достаточно опытного в искусстве оставаться невидимым до нужного момента.

На следующий день, как и было обещано, снова пришёл тот самый молодой гахарец с подносом еды - на этот раз он прихватил с собой ещё и скатанный в рулон коврик из плотного вспененного материала, гораздо более удобного для сна, чем холодная палуба.

- Держи, - буркнул он, просовывая свёрток через щель у основания решётки. - Насчёт туалета - забудь. Мне куда приятнее знать, что этим вопросом займется убогий полукровка. Мне понравилась твоя идея так его наказать. Даже я бы лучше не придумал, но обязательно повторю что-нибудь подобное.

Он весело рассмеялся собственной шутке, а Лакин, приняв коврик, решил воспользоваться моментом.

- Как тебя зовут? - спросил он. - Странно обращаться к тому, кто кормит меня уже второй день, просто "эй ты".

Гахарец на мгновение замер, явно не ожидая подобного вопроса от пленника, а затем, пожав плечами, решил, что не видит в этом знании никакой опасности.

- Дрин Колт. Можешь звать просто Дрин, если тебе так проще, чужак.

- Лакин Стакс, - представился в ответ сибурианец. - Хотя,

полагаю, ты уже знаешь моё имя.

- Знаю, - подтвердил парень. - Только у нас не принято называть чужаков по имени, пока они не докажут, что достойны этого.

- Тогда объясни мне вот что, Дрин Колт, - начал Лакин. - Я хочу узнать про испытание, которое меня ждёт.

Молодой гахарец ненадолго задумался, оглянувшись на пустой коридор за спиной, а затем, видимо решив, что ничего страшного не случится, если пленник узнает то, что и так очевидно всякому на борту, кивнул.

- Понимаешь, чужак, - начал он, - мы - раса воинов, и среди нас нет места слабым. К сожалению, чистокровных представителей из нашего рода осталось не так уж много, поэтому мы берём себе женщин из других, близких нам по генетике рас, способных дать потомство. Если оно рождается сильным, то по достижении зрелости претендент должен сразиться в рукопашной схватке с вооружённым противником и одолеть его голыми руками. Только так он доказывает, что достоин называться настоящим гахарцем. Тогда ему устанавливают нейросеть, и он может участвовать в делах клана.

- А ты уже проходил это испытание? - с интересом спросил Стакс, разглядывая крепкое телосложение собеседника - под тёмной кожей отчётливо перекачивались тугие узлы мышц.

- Мне ещё нужно ждать как минимум цикл, хотя я считаю, что давно к этому готов, - с некоторой обидой в голосе признался Дрин. - Знаешь, из тебя вышел бы отличный против-

ник. Я с удовольствием прикончил бы тебя в честном бою.

Лакин мысленно отметил, что если этот крепкий, полный сил парень считается ещё не готовым, то тот, кого выставят против него самого, будет наверняка ещё крупнее и опаснее. А значит - легкой схватки ждать не приходится.

- А что случится, если кто-то типа меня победит претендента? - поинтересовался сибурианец, вспомнив, что именно на этом моменте разговор прервался в прошлый раз.

Колт на секунду помрачнел, словно сама эта крамольная мысль показалась ему в равной мере и абсурдной и неприятной.

- Такого никогда не случилось, - медленно проговорил он. - Война течёт в наших генах, чужак. Мы созданы для неё, вскормлены ею с самого рождения. Претендент либо побеждает, либо умирает достойно, но полностью проиграть в бою против даже вооружённого дикаря... - он покачал головой. - Просто немыслимо. Впервые слышу, чтобы кто-то задавался таким вопросом. Можешь считать, что тебя уже нет.

- Я просто хочу знать, на что мне рассчитывать, - невозмутимо пояснил Лакин.

- Рассчитывать тебе следует только на быструю и желательно безболезненную смерть, - отрезал Дрин, впрочем, без особой злобы в голосе, скорее с искренним недоумением по поводу самой постановки вопроса. - Впрочем, я слышал, ты убил какого-то имперского аристократа и его боевого синтетика. Может, у тебя и есть какой-то шанс позабавить зри-

телей подольше, прежде чем сдохнуть. - Он вновь неловко усмехнулся, явно не находя в этой мысли ничего оскорбительного - лишь констатацию факта, известного каждому на борту старого крейсера.

- Спасибо за откровенность, - кивнул Лакин.

- Не благодари, - отмахнулся парень, поднимаясь на ноги. - Мне просто скучно, а с тобой хоть поговорить можно, не часто у нас тут появляются гости. Ладно, до завтра, чужак.

Дни потянулись друг за другом, почти неотличимые один от другого: раз в сутки приходил молодой гахарец с пищей и краткими новостями о жизни корабля, изредка - молчаливый и настороженный Дохля с ведром и тряпкой, старательно избегавший всякого зрительного контакта с пленником после случившегося избиения. Лакин заметил, что после того дня уборщик стал двигаться иначе - сгорбленно, будто вжимая голову в плечи, и убирал нечистоты, которыми его исправно снабжал Стакс, теперь молча, без единого слова, лишь иногда бросая на клетку взгляды, в которых читалась уже не только прежняя ненависть, но и что-то новое, тяжёлое, похожее на затравленное отчаяние самоубийцы.

Сибурианец продолжал тренировать тело, ковыряться в нейросети и терпеливо ждать, зная, что рано или поздно за ним придут. И действительно, на седьмые сутки его заточения, когда очередной день уже начал клониться к завершению по внутренним часам, шлюз трюма снова с шипением отъехал в сторону, впуская внутрь одинокую стройную фи-

гуру.

Та самая девушка - Севиль шла неторопливо, её лёгкая, почти невесомая походка резко контрастировала с тяжёлыми, уверенными шагами воинов, которых Лакин уже успел наслушаться на этом корабле. Она остановилась в паре метров от решётки и замерла, разглядывая пленника своими янтарными глазами - молча, без единого слова приветствия.

Лакин медленно, стараясь не напугать визитера поднялся на ноги, ощущая, как где-то в затылке рождается уже знакомое лёгкое давление, а затем - тот самый гул, что он почувствовал при первой встрече в коридоре. На этот раз ощущение было сильнее, отчётливее, будто чужой взгляд не просто скользил по поверхности, а погружался вглубь, перебирая, словно старательный искатель, каждый уголок его памяти. Перед внутренним взором на мгновение промелькнули обрывки образов - болота Сибура, окровавленный клинок, заглотивший, лицо умирающего Ар-Хейма, - и Лакин почувствовал странное, неприятное ощущение, будто кто-то посторонний листает страницы книги его жизни, не спрашивая на то разрешения.

- Что ты делаешь? - резко спросил он, инстинктивно делая шаг назад, хотя прекрасно понимал, что отнюдь не безразмерная клетка всё равно не даст ему уйти дальше.

Севиль не ответила. Её взгляд оставался прежним - спокойным, изучающим, немного отстранённым, как у ученого, разглядывающего занятный образец инопланетной жизни.

ни. Гул в голове Лакина медленно пошёл на убыль, а затем прекратился совсем, оставив после себя лишь лёгкое эхо головной боли и неприятное чувство собственной обнажённости - как будто с него сняли не только одежду, но и кожу.

- Какой интересный, - тихо произнесла она наконец, ни к кому конкретно не обращаясь, а затем, так и не сказав больше ни слова, развернулась и вышла из трюма так же беззвучно, как и появилась.

Лакин долго смотрел ей вслед, чувствуя себя непривычно неуютно - будто побывал на охоте не в роли охотника, а в роли добычи. Впервые с момента пленения он всерьёз задумался, что среди всех опасностей, подстерегающих его на этом корабле, вооружённые воины и грядущее испытание могут оказаться далеко не самыми страшными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.